

ПОСЛЕДНИЕ

ПЬЕСА

Дмитрий ОРЕХОВ

Родился в 1973 году в Ленинграде. Живёт в Ленинградской области (село Рождествено, Гатчинский район). В 1997 году окончил восточный факультет СПбГУ (индонезийская филология). Писатель, драматург, публицист. Эксперт форума ММФ БРИКС. Колумнист деловой газеты «Взгляд». Автор книги «Россия и Запад: война миров» (2025). Автор романов «Будда из Бенареса» (2006), «Журавлики» (2021) и «Бремя мышей» (готовится к печати). Член Союза писателей Санкт-Петербурга и «Союза 24 февраля».

Действующие лица:
Извеков Сергей Леонидович
Трюк Биота Альбертовна

Первый акт

1

ГОЛОС. Третий год от начала Интеграции принёс людям землетрясения, голод и эпидемии и великие знамения в луне и звёздах, и было великое уныние народов, и было недоумение. В одной северной стране, отделённой от остального мира рвом и прочной стеной, в тот год много звонили в колокола, но даже за её пределами, в странах, где звонить в колокола давно перестали, всё ещё встречались *последние*.

Вой полицейской сирены. Звуки латышского языка. Всполохи красного и синего света. Голоса: «Дохлый?» — «Вроде нет». — «Ой, шевелится!» — «Он живой, но немного сдурел. И снулый, как рыба». — «Я на него фенолом поппикаю». — «А прошлого ты пшикал, пшикал и доппикал». — «Тот был дохлый, его уже дохлого привезли». — «А давай как тогда?» — «Давай. Только я буду по расчёске пальцем водить».

Хрюкают, лают, блеют, водят пальцами по расчёске. Загораются свет, выхватывая из темноты стоящего на четвереньках Извекова. Он в шапке-ушанке, ватнике и старых мешковатых штанах, босой. Входит Трюк в белом халате.

ТРЮК. Это ещё что такое?! А ну-ка, брысь! Брысь, я сказала!..

Смущённое хихиканье, возня. Кто-то убегает по коридору. Извеков на четвереньках, стонет.

Здравствуйте. Я — доктор Трюк. Биота Альбертовна. Биота — это всё живое, все клеточные организмы — растения, животные, грибы, бактерии. А Трюк — это моя фамилия. Сейчас я должна...

ИЗВЕКОВ (*пьяным голосом*). Изыди, сатана, на-на-на-на-на-на!..

ТРЮК. Я должна вас предупредить, что у нас...

ИЗВЕКОВ (*радостно*). Собака сторожила гладиолусы! Маячило ей счастье впереди!

ТРЮК. У нас принято соблюдать правила. Тогда вы можете надеяться на скорую реабилитацию. Вы меня понимаете?

ИЗВЕКОВ. А ветер на собаке гладил волосы! И ей шептал: «С надеждой вдаль гляди!»

Трюк берётся за рубильник. Грохот. Извеков взлетает под потолок.

ИЗВЕКОВ (*кричит*). Но грянул гром, помялись гладиолусы! Их качественность снижена была! Собака взвыла ненормальным голосом! И умерла!*

Трюк садится за стол, заправляет чистый лист в пишущую машинку.

ИЗВЕКОВ (*другим тоном*). Эй... там, внизу... Я буду жаловаться... Так нельзя поступать с человеком... Я требую моего адвоката! Почему вы меня подвесили? Я свободный человек, я пла-не-тя-нин! Я требую, чтобы моё дело рассматривал Планетарный суд!

ТРЮК. Ну-ну, успокойтесь.

ИЗВЕКОВ. Пил, пью и буду пить!

ТРЮК. Вы находитесь в Центре социального здоровья. Мы вам поможем.

ИЗВЕКОВ. Кто вам сказал, что мне нужна ваша помощь? Может, мне на неё начхать, на вашу помощь! Если человек пьёт, значит, есть причины. Я не хочу ходить по этой планете трезвый, как дурачок. Каждый сам выбирает, как ему сгореть... Лично я хочу сгореть на белом холодном огне этанола! Так сказать, раствориться в C_2H_5OH !

ТРЮК. Вы хотите сделать какие-нибудь заявления?

ИЗВЕКОВ. Да. Я хочу сделать два заявления для прессы.

ТРЮК. Пожалуйста.

ИЗВЕКОВ. Во-первых, меня хотели убить.

ТРЮК. Вы кого-то подозреваете?

ИЗВЕКОВ. Да, двоих. Один — невысокий, рыжий, злой, глазки маленькие. Второй — выше, крупнее, морда широкая и тупая, изо рта течёт жёлтая ядовитая слюна. Первый — если не ошибаюсь, питбуль. Второй — московская сторожевая. Они порвали мне сзади штаны.

ТРЮК. Очень остроумно.

ИЗВЕКОВ. Во-вторых, двое подростков. Они запустили дрон и сбросили на меня петарду. Вот здесь ожог. *(Показывает место ожога.)* А если присоединится инфекция?..

ТРЮК. Вы намерены требовать компенсацию?

ИЗВЕКОВ. Да, намерен. Я хочу, чтобы родители надавали им по заднице!

ТРЮК. Это всё?

ИЗВЕКОВ. Да, всё. Нет, не всё... Мне очень приятно с вами беседовать, но не могли бы вы спустить меня вниз?

ТРЮК. Хорошо. *(Немного опускает его.)* Но если вы будете валять дурака, снова окажетесь наверху. Это понятно?

ИЗВЕКОВ. Понятно.

ТРЮК. Фамилия.

ИЗВЕКОВ. Извеков.

ТРЮК. Моя фамилия.

ИЗВЕКОВ. Ваша фамилия?

ТРЮК. Вы же слышали. Моя фамилия.

ИЗВЕКОВ. *(бормочет)*. Тряк, бряк... бяка, кусака... макака... собака... служака... кривляка... чертяка...

ТРЮК. Трюк. Доктор Трюк.

ИЗВЕКОВ. Да-да, теперь я вспомнил.

ТРЮК. Имя, отчество.

ИЗВЕКОВ. Ваши?

ТРЮК. Но не ваши же! Ваши мне известны.

ИЗВЕКОВ. Что-то на «бэ».

ТРЮК. Биота Альбертовна.

ИЗВЕКОВ. Да, вспомнил. Тут даже два «бэ»: Беота Альбертовна.

ТРЮК. Биота пишется через «и».

ИЗВЕКОВ. Биота Альбертовна, вы не могли бы совсем опустить меня вниз?

ТРЮК. Нет. Вы невнимательны. Состав биоты?

ИЗВЕКОВ. Ну, биота — это всё живое...

ТРЮК. Я не спрашивала, что такое биота. Я сказала: состав биоты. *(Поднимает его.)*

ИЗВЕКОВ. Зачем?! У меня кружится голова!

ТРЮК. Состав биоты? *(Направляет на него луч настольной лампы.)* Смотреть прямо на меня! На меня, я сказала!

ИЗВЕКОВ. Так, сейчас... Биота — это растения и животные. И ещё бактерии. Все растения, животные и бактерии.

ТРЮК. Вы забыли грибы!

ИЗВЕКОВ. Да, забыл. Подумать только! А ведь я всегда любил собирать грибы: красненькие, беленькие, лисички, рыжички, маслята, опяточки. Подберёзовики. Сыроежки, горькушки. Волнушечки. Шампиньоны. Шампиньончики.

ТРЮК. Не паясничайте! Грибы тоже имеют право, чтобы их помнили! Они живые!

ИЗВЕКОВ. Права грибов, ха-ха.

Трюк берётся за рубильник. Извеков дёргается и стонет под потолком.

ТРЮК. Никогда не смейтесь над чужими правами. Всё живое имеет права. Даже грибы.

ИЗВЕКОВ. Я понял. Больше не буду. Грибы тоже имеют права.

ТРЮК. Повторите это громко.

ИЗВЕКОВ. Грибы тоже имеют права.

ТРЮК. Громче!

ИЗВЕКОВ (*громко*). Грибы тоже имеют права!

ТРЮК. И гусеницы!

ИЗВЕКОВ. Гусеницы тоже имеют права!

ТРЮК. И комары!

ИЗВЕКОВ. Комары тоже имеют права!

ТРЮК. Сейчас все люди доброй воли борются против съедобных брикетов из гусениц и комаров. Нельзя наживаться на страданиях насекомых.

ИЗВЕКОВ. Постараюсь это учесть. Можно вопрос?

ТРЮК. Пожалуйста.

ИЗВЕКОВ. Вы сказали, что знаете мою фамилию?

ТРЮК. Конечно.

ИЗВЕКОВ. А что ещё вы про меня знаете?

ТРЮК. Да всё... Извеков Сергей Леонидович, учитель литературы. Отец — директор Тирельского лесничества... Мать — домохозяйка...

ИЗВЕКОВ. Откуда вы это знаете?!

ТРЮК. Мы сканировали отпечаток большого пальца на вашей правой ноге... Жена — брак расторгнут. Любимые писатели: Чехов, Толстой. Вёл блог в Интернете. Рейтинг социальной ответственности — высокий. Характер — лояльный. Тип личности — законопослушный. К уголовной ответственности не привлекался. Знак «Лучший учитель года». Орден Министерства охраны планетарного порядка «За сотрудничество» третьей степени.

ИЗВЕКОВ (*всхлипывает*). Третьей степени! Третьей степени! О! Опустите меня! Пожалуйста!..

Трюк берётся за рубильник. Извеков опускается вниз.

Извеков сидит на стуле. Он по-прежнему босой, ватник расстёгнут. Входит Трюк.

ТРЮК. Вы в порядке, Сергей Леонидович?

ИЗВЕКОВ. Да, благодарю вас.

ТРЮК. Но вид у вас расстроенный.

ИЗВЕКОВ. Всё хорошо. Готов ответить на ваши вопросы.

ТРЮК (*садится напротив*). А почему вы решили, что я буду задавать вам вопросы? Почему бы вам самому меня о чём-нибудь не спросить?

ИЗВЕКОВ. Мне — вас? Гм. Спасибо.

ТРЮК. Спрашивайте, не стесняйтесь!

ИЗВЕКОВ. Доктор, когда вы меня отпустите?

ТРЮК. В общем и целом это зависит от вас. Но я, признаться, разочарована. Я думала, вы спросите меня о чём-то личном.

ИЗВЕКОВ. О личном? Но зачем мне спрашивать вас о личном?

ТРЮК. Как — зачем? Чтобы мы сблизились, подружились... Вы находитесь в Центре для социальных больных. Я — ваш лечащий врач. Если больной доверяет врачу, лечение проходит успешно. Вы меня понимаете?

ИЗВЕКОВ. Ну... наверное, нет... То есть да. Понимаю.

ТРЮК. Всё очень просто! Вы задаёте вопросы, я отвечаю.

ИЗВЕКОВ. Ну...

ТРЮК. Пожалуйста, не нукайте. Неужели Толстой — ваш любимый писатель? И как это вы работали учителем литературы с таким лексиконом? Ну хорошо. Спросите меня о моей семье.

ИЗВЕКОВ (*с усилием*). Уважаемая Биота Альбертовна! Не могли бы вы рассказать мне о своей семье?

ТРЮК. С удовольствием, Сергей Леонидович. Мой отец, Альберт Марисович Трюк, был известным биотехнологом. Моя мама, Нонна Александровна Трюк, работала старшим лейтенантом в планетарной полиции. Много лет мама служила командиром взвода кинологов в Министерстве охраны. Мои родители были людьми принципиальными, честными, неподкупными. Мама отлично справлялась с собаками. В нашем доме царила атмосфера радости, любви, взаимного уважения.

ИЗВЕКОВ. Я могу задавать другие личные вопросы?

ТРЮК. Да, конечно.

ИЗВЕКОВ. Даже очень личные?

ТРЮК. Разумеется.

ИЗВЕКОВ. Вы довольны своей жизнью?

ТРЮК. Да.

ИЗВЕКОВ. Сколько вам лет, Биота Альбертовна?

ТРЮК. Сорок три. То есть уже сорок четыре.

ИЗВЕКОВ. Вы замужем?

ТРЮК. Нет.

ИЗВЕКОВ. А были замужем?

ТРЮК. Нет.

ИЗВЕКОВ. Сколько раз вы меняли пол?

ТРЮК. Ни разу.

ИЗВЕКОВ. Почему?

ТРЮК. Готовилась к другой жизни.

ИЗВЕКОВ. Он вас бросил?

ТРЮК. Мы расстались.

ИЗВЕКОВ. А что так?

ТРЮК. Не сошлись характерами.

ИЗВЕКОВ. Нельзя ли с этого места подробнее?

ТРЮК. Послушайте...

ИЗВЕКОВ. Извольте отвечать на поставленный мною личный вопрос!

ТРЮК. Хорошо. Я была студенткой социального факультета. Он был у нас лаборантом. Мы жили вместе. То есть он жил у меня.

ИЗВЕКОВ. У вас были близкие отношения?

ТРЮК. Да.

ИЗВЕКОВ. Почему вы расстались?

ТРЮК. У нас отменили лекцию, и я забежала к нему в лабораторию. Он был там... с одной заочницей. Он обнимал её и гладил между лопаток.

ИЗВЕКОВ. Вы устроили ему сцену?

ТРЮК. Нет. Но, когда он пришёл с работы, я не открыла дверь.

ИЗВЕКОВ. Почему?

ТРЮК. Я хотела его проучить.

ИЗВЕКОВ. А он?

ТРЮК. Он ушёл.

ИЗВЕКОВ. И больше не приходил?

ТРЮК. Приходил. На следующий день. Просил, чтобы я открыла. Умолял простить. Говорил, что любит меня.

ИЗВЕКОВ. И вы простили его?

ТРЮК. Я хотела простить.

ИЗВЕКОВ. Почему же вы ему не открыли?

ТРЮК. Я хотела, чтобы он страдал! Чтобы он всё понял!

ИЗВЕКОВ. И он понял?

ТРЮК. Нет. Он постоял и ушёл. А утром его друг пришёл ко мне за вещами.

ИЗВЕКОВ. А другие поклонники? У вас ещё были близкие отношения?

ТРЮК. Нет.

ИЗВЕКОВ. Получается, детей у вас нет?

ТРЮК. Нет.

ИЗВЕКОВ. И не будет?

ТРЮК. По-видимому, уже нет.

ИЗВЕКОВ. Вы жалеете об этом?

ТРЮК. Как вам сказать... Наверное, нет. Дети — самые большие климатические убийцы в мире. Они милые, но вызывают изменение климата. Каждый нерождённый ребенок экономит пятьдесят шесть тонн выбросов в год.

ИЗВЕКОВ. Выбросов чего?

ТРЮК. Как — чего? Ну, этого...

ИЗВЕКОВ. Отвечайте на мой вопрос! Или он недостаточно личный? Выбросов чего?! Какие выбросы экономит вам каждый нерождённый ребёнок?!

ТРЮК. Я не знаю, я ничего не знаю!..

ИЗВЕКОВ. Что с вами? Вы плачете?

ТРЮК. Оставьте меня, ну что вы за человек вообще! (*Убегает.*)

3

Извеков в больничной пижаме. Входит Трюк. Она в восточном халате со змеями и китайскими драконами.

ТРЮК. Здравствуйте, Сергей Леонидович.

ИЗВЕКОВ. Здравствуйте, Биота Альбертовна. Вы сегодня прекрасно выглядите!

ТРЮК. У нас принято менять униформу. Мы считаем, что смена цветовой гаммы положительно влияет на психоэмоциональное состояние социальных больных.

ИЗВЕКОВ. Моё состояние сразу улучшилось! У вас всё в порядке? Как прошло утро?

ТРЮК. Сегодня я подобрала на улице птенца. Ночью был ветер, и он выпал из гнезда. Я собираюсь выходить его и отпустить. Я уже кормила его.

ИЗВЕКОВ. Вы добрый человек, Биота Альбертовна! Будете спрашивать меня? Или хотите, чтобы я спрашивал вас?

ТРЮК. Буду спрашивать вас.

ИЗВЕКОВ. Прекрасно! О чём вы хотите спросить?

ТРЮК. У вас очень интересное социальное прошлое, Сергей Леонидович. Возможно, у вас самый высокий рейтинг из всех, кто попадал в нашу службу. Вам не кажется это странным?

ИЗВЕКОВ. Мне? Нет.

ТРЮК. У вас много наград, поощрений... Вы были хорошим учителем, популярным видеоблогером... И попали на обочину жизни. Возможно, в вашей жизни были тёмные пятна? Давайте поговорим о них. Как вы стали бродягой?

ИЗВЕКОВ (*задумывается*). Дело, наверное, в том, что я не был настоящим учителем... Я притворялся, обманывал себя и других. Знаете, я ещё в детстве понял, что со мной что-то не так. Я был не такой, как все... Я не хотел конкурировать. Ох, как это раздражало мою мамушку! В детстве любой малыш мог согнать меня с качелей. Но я действительно не был уверен, что мне качели нужнее, чем ему... Вам, наверное, это неинтересно?..

ТРЮК. Продолжайте, но придерживайтесь темы.

ИЗВЕКОВ. Простите?

ТРЮК. Наша тема — ваши тёмные пятна.

ИЗВЕКОВ. Ах, тёмные пятна... Понимаю, понимаю... Я, конечно, готов... Хотя на чердаке моего прошлого вряд ли найдётся что-то интересное... Никаких шекспировских страстей, ничего подобного. Всякая скучная старая дребедень...

ТРЮК. Не клевайте на себя. С точки зрения нашей службы, каждый человек по-своему интересен.

ИЗВЕКОВ. Вы правы. Начнём. Чтобы не размениваться на младенческие шалости, начну с первого серьёзного преступления. Мне было пять. Я ходил в садик. Однажды я утащил медведя. У него была круглая кнопка на животе... Если кто-то нажимал на неё, медведь трясся и повторял чужие слова... Зачем я украл? Не знаю. Он меня чем-то заинтересовал, этот медведь... Потом было предательство. Да, предательство... Мне было семь. По утрам родители отводили нас в душевую во дворе школы... Мы смывали микробов... И вот однажды мальчики стали бить полотенцами моего одноклассника... Кто-то свернул полотенце морковкой и протянул мне. Я тоже ударил... Потом, когда заплаканный мальчик, окружённый мамами, указал пальчиком на меня, я с улыбкой отошёл в сторону. Маму это потрясло. «Ах, — рассказывала она папе, — от его улыбки у меня просто мороз по коже!» Вам это интересно, доктор?

ТРЮК. Вы юродствуете. Не знаю, зачем вам это нужно, но мы доберёмся до истины.

Треск, вспышка. Гаснет свет. Извеков сидит на полу и стонет.

ИЗВЕКОВ. Что это было?

ТРЮК. Маленькое предупреждение. Я пустила ток у вас под ногами.

ИЗВЕКОВ. Но зачем?!

ТРЮК. Расскажите без лишней болтовни, как вы стали учителем.

ИЗВЕКОВ. Я был на последнем курсе литературного факультета, когда провели перепись... Оказалось, что у нас больше образованных людей, чем предусмотрено квотами. Университет закрылся, но дипломы мы получили, и я устроился в школу на окраине города.

ТРЮК. Вам понравилось работать в школе?

ИЗВЕКОВ. Как вам сказать... Дети были избалованные. Мои уроки сводились к театру одного актёра. Я должен был удерживать внимание класса... В этом был вызов: смогу или нет? Однажды меня признали лучшим учителем года. Счастья мне это не принесло. Жена от меня ушла, моего жалованья едва хватало на продукты, а пенсия родителя целиком уходила на оплату электричества... Не подумайте, что я жалуюсь. Мы жили неплохо.

ТРЮК. Почему вы уволились?

ИЗВЕКОВ. Меня уволили. То есть я сам написал заявление, но меня заставили его написать. Тогда в нашем городе появились мигранты... Не все относились к ним толерантно, в городе начались драки... Возможно, они тоже вели себя вызывающе. Но меня возмутило отношение к ним. У меня был канал, и я выступил в защиту мигрантов.

ТРЮК. Вы поступили как настоящий планетянин.

ИЗВЕКОВ. Да, наверное.

ТРЮК. Вы мужественный человек.

ИЗВЕКОВ. Да, пожалуй.

ТРЮК. Но, по-видимому, порядочный лгун.

ИЗВЕКОВ. Почему?

ТРЮК. Молодой перспективный учитель призывает всех к толерантности, а его вынуждают уволиться! Вам самому не смешно?

ИЗВЕКОВ. Да, это кажется странным... Но тогда я плохо контролировал свою речь, допускал разные резкие высказывания...

ТРЮК. Удивительно! Такой талантливый молодой человек, учитель литературы — и плохо контролирует свою речь.

ИЗВЕКОВ. Не смейтесь! Я был молод, горяч...

ТРЮК. Настоящий джигит! А почему вы расстроились, когда я напомнила о ваших наградах?

ИЗВЕКОВ. Ах, это... Как-то резануло по сердцу, знаете.

ТРЮК. А вы хотите вернуться в общество? Хотите опять стать учителем?

ИЗВЕКОВ. Ну что вы! Какой я теперь учитель?! Но я могу мыть, убирать, распылять карболку... Лишь бы послужить обществу!

ТРЮК. Таких вакансий нет. Всё делают роботы или биопомощники.

ИЗВЕКОВ. Готов на всё, когда вы меня отпустите... Вы же меня отпустите?

ТРЮК. Конечно, конечно... Кстати, Сергей Леонидович, у вас делали обыск?

ИЗВЕКОВ. Не помню.

ТРЮК. А в вашем электронном досье об этом упоминается.

ИЗВЕКОВ. В каком досье?

ТРЮК. В обычном досье. В том, которое прикреплено к вашему номеру. Так, может быть, всё-таки вспомните?..

ИЗВЕКОВ. Да, что-то припоминаю.

ТРЮК. Вас подозревали в экстремизме?

ИЗВЕКОВ (*не сразу*). Да.

ТРЮК. Странно. Вы говорите, что пострадали за свою толерантность. И вдруг выясняется, что вас подозревали в экстремизме! И даже делали обыск.

ИЗВЕКОВ. Так получилось. В городе загорелся магазин, и в поджоге обвинили мигрантов. А я за них заступался... Вот у меня и сделали обыск.

ТРЮК. За компанию?

ИЗВЕКОВ. Да, за компанию.

ТРЮК. У вас что-нибудь нашли?

ИЗВЕКОВ (*не сразу*). Да.

ТРЮК. Что именно?

ИЗВЕКОВ. Запрещённую литературу.

ТРЮК. Какую?

ИЗВЕКОВ. Достоевского.

ТРЮК. Что именно?

ИЗВЕКОВ. «Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание».

ТРЮК (*не сразу*). Вы всё это читали?

ИЗВЕКОВ. Да. Я купил эти книги ещё студентом. В те времена ещё не запрещалось читать Достоевского. А когда его отменили, я как-то забыл, что эти книги могут быть у меня на полке... На уголовное дело это не тянуло, и всё-таки я стал неблагонадёжным. Учитель, хранящий дома экстремистскую литературу! Нет, это был скандал.

ТРЮК. А почему вы расстались с женой?

ИЗВЕКОВ. Мы прожили вместе только полгода. Она уехала не то с менеджером, который пристраивал компьютеры, не то с компьютерщиком, который пристраивал менеджеров... Не помню. Она сказала, что не хочет обслуживать неудачника.

ТРЮК. И вы потом виделись с женой?

ИЗВЕКОВ. Нет.

ТРЮК. А что вы делали в лесу?

ИЗВЕКОВ. Просто жил. Ловил рыбу. Готовил, стирал... Потом меня нашли эти щенки с беспилотником. Потом приехала бригада из вашего центра. Я заперся и не хотел выходить, но они разбили окно, всунули шланг и пустили усыпляющий газ. Очнулся я уже здесь.

ТРЮК. И вы никогда не были бродягой и алкоголиком?

ИЗВЕКОВ. Нет.

ТРЮК. Вы пытались меня обмануть? Хотели скрыться под клоунской маской?

ИЗВЕКОВ. Увы, это так.

ТРЮК. Вы разыгрывали дешёвый фарс! Отнимали у меня время!

ИЗВЕКОВ. Это так глупо! Я очень виноват... Я думал, если я притворюсь пьяницей, вы скорее меня отпустите.

Пауза.

ТРЮК (*вручает ему сомбреро*). Наденьте-ка эту шляпу. Мы будем танцевать.

ИЗВЕКОВ. Как? Здесь?

ТРЮК. Танцевально-двигательная терапия! Часть программы по вашей реабилитации! У мышц и сухожилий есть память, все переживания остаются в теле... Танец помогает освободить их, скинуть груз прошлого! Мы с вами будем танцевать «Кукарачу».

ИЗВЕКОВ. Какая ещё кукарача? Зачем?!

ТРЮК. Эту песню пели повстанцы в Мексике. Они сражались с режимом генерала Порфирио Диаса. Повстанцы уходили в леса и создавали там партизанские отряды. Своих противников они называли тараканами. Представьте, что вы — повстанец, а я — диктатор. Вы — революционер, а я — таракан, кукарача... И вы поёте мне: «Вы кукарача, вы кукарача»...

ИЗВЕКОВ. Но я совсем не революционер! И вы тоже совсем не похожи на таракана! Напротив, вы очень приятная...

ТРЮК. Ну-ну, хватит болтать... Начали!

Танцуют «Кукарачу». Поначалу Извеков отстаёт, но потом начинает танцевать в нужном темпе.

4

Извеков со шваброй в руках, он как будто кого-то высматривает. Входит Трюк в костюме врача-инфекциониста. Она тащит за собой сложное устройство с проводами, напоминающее ванну на колёсиках.

ТРЮК. Доброе утро!

ИЗВЕКОВ. Здравствуйте, здравствуйте...

ТРЮК. Сергей Леонидович, приблизилась минута «икс»!

ИЗВЕКОВ (*наносит невидимому врагу удары шваброй*). Попался! Вот тебе! Гадина такая! На! На!

Приглушённый визг, кто-то убегает по коридору.

ТРЮК. Сергей Леонидович! От результатов этого теста зависит всё! Решается ваша судьба!

ИЗВЕКОВ. А? Что вы сказали?

ТРЮК. Сейчас я измерю уровень вашего экстремизма! Если показатели в норме, я буду готовить вас к выписке!

ИЗВЕКОВ. Правда?

ТРЮК. Ну конечно! Если вы социально здоровы, зачем нам держать вас здесь?

ИЗВЕКОВ. А что будет, если он у меня высокий, этот ваш уровень экстремизма?

ТРЮК. Сергей Леонидович, давайте не будем загадывать... Сделаем тест, а там посмотрим... Надевайте ошейник! Теперь намордник! Забирайтесь в телоприемник! Ниже! Ещё ниже! Таз опустите! Опустите таз, я вам говорю! Упритесь ногами! Так, теперь зафиксируем руки... Подбородок выше! Сожмите зубами кляп! Думайте о чём-то приятном! И не выпучивайте глаза! Расслабьтесь, дышите ровно! Если вы будете напряжены, прибор покажет высокий уровень!

Извеков хрипит.

Замрите! Минуточку... так... ещё немного... Отлично! Ваш уровень экстремизма — два-тринадцать по Эйхману-Эйдельман!

ИЗВЕКОВ (*выплёвывает кляп*). Это много или мало?

ТРЮК. Это значительно... Да! Это значительно ниже нормы! Вы совершенно здоровы! Поздравляю вас! (*Помогает ему встать.*) Более того, вы совершенно неагрессивны!

ИЗВЕКОВ (*снимает намордник*). Какое счастье! Значит, теперь вы меня отпустите?..

ТРЮК (*отстёгивает ошейник*). Не сразу, конечно... Сначала сделаем прививки. Хотя бы основные сорок восемь... Восстановим страховку, приведём в порядок электронные документы...

ИЗВЕКОВ. А когда можно это сделать?

ТРЮК. Да хоть сейчас.

ИЗВЕКОВ. Доктор, а можно вопрос? Когда меня сюда привезли, я слышал какие-то голоса... очень странные... (*Изображает голоса.*)

ТРЮК. А-а-а, это... Анчутки.

ИЗВЕКОВ. Простите?

ТРЮК. Наши юные помощники из А-эн-че... Ну, из Академии нового человека.

ИЗВЕКОВ. Это люди или роботы?

ТРЮК. Служебные биосущества. Ма-а-аленькие такие... Я их обычно гоняю.

Пауза.

ИЗВЕКОВ. Простите, а если я откажусь от страховки?

ТРЮК. Нет, это невозможно. Вы же не хотите, чтобы вас опять сюда привезли?

ИЗВЕКОВ. Конечно, нет.

ТРЮК (*поднимает голову*). Вам у нас не понравилось?

ИЗВЕКОВ. Ну что вы! Очень понравилось.

ТРЮК. Почему вы всё время врётё?

ИЗВЕКОВ. Мне не всё здесь понравилось... Но кое-что мне очень понравилось... Скажите, Биота Альбертовна... Мы ещё увидимся с вами там, на свободе?..

Трюк молча смотрит на него. Затемнение.

5

Входит Трюк в форме капитана полиции, с дубинкой у пояса.

ИЗВЕКОВ (*растерянно*). Здравия желаю, Биота Альбертовна...

ТРЮК (*садится, перебирает бумаги*). Значит, так, Сергей Леонидович. У меня две новости: хорошая и плохая. Документы

восстановлены, но страховку вы не получите. Сперва нужно пройти обследование. Кто знает, какую заразу вы могли подцепить в лесу!

ИЗВЕКОВ. А какая хорошая новость?

ТРЮК. Это и была хорошая.

ИЗВЕКОВ. Тогда какая плохая?

ТРЮК. Вы скрыли от меня правду о вашем увольнении. Я пробила в базе. Вы ничего не сказали о христианах! Эти мигранты, которых вы защищали, были христианами?

ИЗВЕКОВ. Да.

ТРЮК. Расскажите всё ещё раз. Но уже ничего не упускайте.

ИЗВЕКОВ. Христиане... Они прорвались в наш европейский сад откуда-то с востока... Это были последние дикари Европы... современные гунны... Однажды — это было неподалёку от старого города, на улице Свободы — я встретил одного мальчика... Он был голоден, и я привёл его домой.

ТРЮК. Вы привели домой мальчика-христианина?

ИЗВЕКОВ. Ну да.

ТРЮК. А вы не думали, что этот мальчик — переносчик опасных инфекций?

ИЗВЕКОВ. Нет, я об этом не думал. То есть почти не думал.

ТРЮК. Как звали мальчика?

ИЗВЕКОВ. Его звали Симон.

ТРЮК. Вы отдавали себе отчёт, что вот так обычно и начинается сотрудничество с экстремистами?

ИЗВЕКОВ. Нет.

ТРЮК. Что было дальше?

ИЗВЕКОВ. Я накормил его.

ТРЮК. Вы продезинфицировали помещение, когда мальчик ушёл?

ИЗВЕКОВ. Не помню. Кажется, нет.

ТРЮК. Он был у вас только один раз?

ИЗВЕКОВ. Нет, он потом ещё приходил.

ТРЮК. Невероятно! Немыслимо! И это взрослый человек! Учитель! Что же вы делали, когда он приходил к вам домой?

ИЗВЕКОВ. Ничего, совсем ничего... Я кормил его, и он уходил.

ТРЮК. И вы не брали у него экстремистскую литературу и предметы культа?

ИЗВЕКОВ. Нет.

ТРЮК. Не брали и не распространяли?

ИЗВЕКОВ. Нет, ничего подобного. Мы просто разговаривали. А потом сгорел магазин, у меня сделали обыск и нашли Достоевского.

ТРЮК. А орден «За сотрудничество»? За что вам его присудили?

ИЗВЕКОВ (*не сразу*). Ах, это... От мальчика я узнал о планах христиан. Не всех христиан, а только христиан-экстремистов. У них была сплочённая группа... группа боевиков.

ТРЮК. Они хотели устроить беспорядки?

ИЗВЕКОВ. К сожалению, да.

ТРЮК. Вот видите! Я же говорила!

ИЗВЕКОВ. Я сообщил обо всём в Министерство охраны.

ТРЮК. И что за беспорядки они готовили?

ИЗВЕКОВ. Нападение... на городской музей. Тот, что в за-
мке. Там проходила выставка «Нет фанатизму!». Христиане
решили, что это их оскорбляет... Они задумали взять себе все
эти иконы, свечи, подсвечники... Они были вооружены ду-
бинками, кастетами и ножами.

ТРЮК. И вам дали орден?

ИЗВЕКОВ. Обещали дать. На самом деле я так и не получил
его.

ТРЮК. Почему же вы не вернулись обратно в школу?

ИЗВЕКОВ. Я не мог! У меня же нашли Достоевского. Все ро-
дители были против.

ТРЮК (*не сразу*). А знаете, Сергей Леонидович, у вас есть
будущее.

ИЗВЕКОВ. Вы думаете?

ТРЮК. Да. Вы человек со странностями, но честный и доб-
рый. И ещё я хочу сказать... Это только кажется, что честность
и доброта в нашем мире ничего не значат. Ничего подобного!
Они очень много значат! Очень! Скоро вы сами увидите... Ко-
гда вы отсюда выйдете, вам даже не придётся искать работу.

ИЗВЕКОВ. Неужели?

ТРЮК. Да. Все лауреаты ордена «За сотрудничество» име-
ют гарантированный базовый доход. Кроме того, вы получите
право на две пятиминутки счастья.

ИЗВЕКОВ. Право на что?

ТРЮК. На счастье. В нашей стране каждому положено де-
сять минут счастья в день.

ИЗВЕКОВ. Вы научились быть счастливыми?

ТРЮК. Конечно. Счастье — это возбуждение мозговых цен-
тров. Вы будете счастливы дважды в день: утром и вечером.
Также вам будет выделено социальное жильё второй кате-
гории. Конечно, не в собственность. Собственности сейчас
ни у кого нет. Роскоши не обещаю, но по нашим временам это
будет неплохо: санузел, кухня три с половиной метра, спаль-
ня... с окном. Соседи — видные пенсионеры: работники про-
куратуры, полицейские... Условия достойные. Сможете даже
жениться.

ИЗВЕКОВ. Жениться? Я? Да что вы такое говорите, Биота
Альбертовна!

ТРЮК. А что? С вашим рейтингом многое можно себе
позволить...

ИЗВЕКОВ. В таком случае разрешите пригласить вас на танец.

Извеков и Трюк танцуют аргентинское танго Пьяццоллы.

Второй акт

1

Входит Трюк. Она в платье с вырезом и только что из парикмахерской.

ИЗВЕКОВ. Здравствуйте, Биота Альбертовна. *(Пытается поцеловать её в щёку.)* Как наш птенец?

ТРЮК *(уклоняется)*. Он улетел, Сергей Леонидович. А мы с вами приблизились к выписке.

ИЗВЕКОВ. Как хорошо!

ТРЮК. Но сначала я должна проверить вас в детекторе лжи.

ИЗВЕКОВ. Вы хотели сказать: на детекторе?

ТРЮК. Нет, теперь мы проверяем внутри детектора, а не на нём.

ИЗВЕКОВ. Но зачем? Вы мне не верите?

ТРЮК. Это стандартная процедура, Сергей Леонидович. Её проходят все, кто отсюда выписывается.

С потолка опускается конусообразная проволочная клетка с крупными ячейками.

Сейчас вы окажетесь в детекторе. Не волнуйтесь, это ненадолго. Создаваемое детектором электромагнитное поле не даст вам произнести ни словечка лжи. Поле воздействует на мозг человека. Это похоже на сыворотку правды. Вы никогда не задумывались о том, что такое ложь на биохимическом уровне?

ИЗВЕКОВ *(с ужасом)*. Нет.

ТРЮК. Когда мы лжём, работают одни участки головного мозга, а когда говорим правду — другие. С помощью коротких магнитных импульсов я буду стимулировать префронтальную кору вашего мозга. Это значит, что вы сможете говорить только правду.

Клетка падает.

ТРЮК. Вы меня слышите?

ИЗВЕКОВ. Да, я вас слышу.

ТРЮК. Как вас зовут?

ИЗВЕКОВ. Извеков Сергей Леонидович.

ТРЮК. Год рождения?

ИЗВЕКОВ. Сорок седьмой до начала Эры.

ТРЮК. Сергей Леонидович, вы сотрудничали с Министерством охраны?

ИЗВЕКОВ. Да.

ТРЮК. Сколько боевиков было в той группе?

ИЗВЕКОВ. Не понимаю.

ТРЮК. Сколько боевиков было в группе христиан-экстремистов? В группе, которую вы помогли задержать и обезвредить?

ИЗВЕКОВ. Нисколько.

ТРЮК. Что значит — нисколько? Вы помогли задержать группу боевиков или нет?

ИЗВЕКОВ. Нет. Группы не было.

ТРЮК. Кто же тогда готовил нападение на городской музей?

ИЗВЕКОВ. Никто.

ТРЮК. Никто? Значит, вы мне солгали?

ИЗВЕКОВ. Да, я солгал.

ТРЮК. За что же вы получили орден «За сотрудничество»?

ИЗВЕКОВ. За моё предательство.

ТРЮК. Кого вы предали?

ИЗВЕКОВ (*не сразу*). Всех. Я предал всех.

ТРЮК. Расскажите об этом. Кого именно вы предали, Сергей Леонидович?

ИЗВЕКОВ. Они пришли в наш город после восьмого глобального кризиса. Изгои, неприкасаемые... Это было кочевое племя, одна из ветвей некогда многочисленного народа... Они разводили огороды где-то под Тарту, но их накрыли... Часть христиан ушла к северной части залива, где можно было прокормиться рыбалкой, другие бросились бежать по Эстонской национальной дороге, но потом тоже свернули к морю... Они поселились в развалинах рыбзавода. У мужчин были изнурённые лица; женщины в длинных юбках и допотопных платках выглядели фанатичками и дикарками... Многие у нас им сочувствовали.

ТРЮК. А вы знали, что христиане исполняют волю микробов? Что микробы заставляют их отказываться от врачей и прививок, сбиваться в стадо, пить из одной чаши?

ИЗВЕКОВ. Да, я это знал.

ТРЮК. Зачем они пришли в город?

ИЗВЕКОВ. Не знаю. Одни христиане ловили рыбу в реке, другие, как Симон, просили на улице еду. Им запрещено было покупать в магазинах и автоматах.

ТРЮК. Расскажите об этом мальчике. Как вы с ним познакомились?

ИЗВЕКОВ. Симону было двенадцать...

ТРЮК. Подождите, я включу усилитель. (*Включает усилитель, и голос Извекова начинает звучать гулко и громко.*)

ИЗВЕКОВ. Симону было двенадцать... У него было бледное, малокровное лицо. Он был одет в халат, нелепый жёлтый халат с розами и фиалками. Он стоял на перекрёстке. Внешне он походил на других детей в лагере, и на шее у него болтались ладанки и иконки... Но лицо! Лицо! У детей христиан были очень напряжённые лица, многие из них совершали свой подвиг по принуждению... Но Симон был другой! Этот подросток с разводами на лице, ничего не знавший о мире,

чувствовал себя на своём месте! Мне захотелось позвать его домой, расспросить... Я сказал ему, что дома у меня есть хлеб. И он согласился со мной пойти. Он даже не думал, что я могу быть дурным человеком, что я могу обмануть!

ТРЮК. Этот мальчик возбуждал ваши чувства?

ИЗВЕКОВ. Не понимаю.

ТРЮК. Вы испытывали к нему сексуальное влечение?

ИЗВЕКОВ. Нет.

ТРЮК. О чём вы с ним говорили?

ИЗВЕКОВ. Мы говорили о книгах... Симон много читал, но это были очень странные книги. «Бориса Годунова» он знал почти наизусть, но он даже не слышал про «Сказку о золотом петушке». Он не знал ни одной сказки... Еще он сказал, что странствует со времён Великой переписи. Его отец и братья назвались атеистами, а он, младший, ушёл скитаться с матерью-христианкой.

ТРЮК. Как встретил мальчика ваш отец?

ИЗВЕКОВ. По дороге Симон стал читать монолог: «Достиг я высшей власти, шестой уж год я царствую спокойно...». Когда он дошёл до слов: «Кто ни умрёт, всех я убийца тайный...», мы как раз вошли в дом. Симон декламировал:

*— Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина только совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над тёмной клеветой...*

Он размахивал рукавами своего дурацкого халата, его голос дрожал от восторга, и в эти мгновения я был абсолютно уверен, что Пушкин выше Шекспира. Симон провозгласил: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!..». Тут-то в дверях и показался отец... После смерти моей матери он почти не выходил, даже телевизор почти не смотрел. Только читал медицинскую энциклопедию. Говорил: хочет знать, сколько ему осталось... И вот, глядя на Симона, отец изменился в лице и... Я не верил своим глазам: он смеялся! Смеялся, как раньше! И Симон, глядя на него, засмеялся тоже...

ТРЮК. И ваш отец не позвонил в Министерство охраны?

ИЗВЕКОВ. Нет.

ТРЮК. Чем занималась ваша троица?

ИЗВЕКОВ. В тот первый вечер мы читали вслух «Снежную королеву»... Потом Симон сказал, что хочет сам сочинить сказку. «Отличная идея, — сказал я. — Главное — найти неожиданный ход. Вот, например, эта тряпка... Допустим, мальчик по имени Симон вырезал из неё человечка. Можно придумать ему приключения, ведь мир не слишком-то удобен для тряпичных людей...»

ТРЮК. Вы думали о последствиях такого общения?

ИЗВЕКОВ. Нет, я не думал... Учитель литературы наконец-то нашёл себе настоящего ученика! Отец тоже не мог дожидаться, когда я его приведу, и совсем забросил свою энциклопедию. Мы читали вслух «Чёрную курицу»...

ТРЮК. Вы говорите, что предали христиан. Почему вы это сделали?

ИЗВЕКОВ. Однажды к нам пришёл человек в штатском. Он сказал, что власти готовят облаву на христиан. Я должен был рассказать о таборе на своём канале, подготовить общественное мнение... Объяснить, как опасны люди, не соблюдающие санитарные заповеди... Я отказался. Вечером, когда стемнело, я отправился на рыбозавод... В заброшенных цехах, где когда-то делали шпроты, на кучах ветоши и картона сидели дети, завёрнутые в тряпье... Горели костры. Взрослые варили в котелках уху, чинили одежду и обувь... Некоторые пели псалмы, другие читали большие старые книги, держа их у самого огня... Я нашёл мать Симона и рассказал ей всё... Я принёс грустные новости, но христиане горячо благодарили меня. Они понимали, чем я рисковал. Мужчины пожимали мне руку, женщины крестили меня, а мать Симона даже поцеловала...

ТРЮК. Какая гадость!

ИЗВЕКОВ. Утром по телевидению выступил известный врач. Он сказал, что микробы перешли в наступление и городу угрожает эпидемия. В тот день мой пропуск учителя не сработал. Я вернулся домой. Обыск был в самом разгаре... У меня нашли Достоевского и блаженного Августина... Ещё акты мучеников, сборник допросов первых христиан. Это грозило уголовным делом... А вечером Симон пришёл к нам читать свои сказки. Одна сказка начиналась так: «Жил да был Человек с Неба. Он был Светлый, Он весь состоял из света, и сияло лицо Его, как солнце».

ТРЮК. Однако...

ИЗВЕКОВ. На следующий день в городе загорелся магазин синтетических платьев, а рядом был городской Центр развлечений. Центр не пострадал, но город гудел. Мне позвонили: человек в штатском требовал меня к себе. Вскоре я был в отделе. Он сказал, что вышел приказ брать под стражу всех, у кого найдена экстремистская литература. Я стал объяснять, что у меня на руках отец, что меня ждут ученики... Он слушал и качал головой. «Но ведь должен быть выход!» — вскричал я. Он сказал, что выход у меня есть, но это единственный выход. Я должен был выступить по телевидению и сказать, что поджог устроили христиане... (С усилием.) Я дал отвезти себя на передачу. Произнёс всё, что он от меня требовал.

ТРЮК. За это вас представили к ордену?

ИЗВЕКОВ. Да, за это. За моё предательство.

ТРЮК. Что было дальше?

ИЗВЕКОВ. Когда я вышел с телецентра, меня вырвало. Потом я пешком брёл домой. Машина, которая должна была

меня отвезти, по ошибке уехала. А может, мне намекали, что теперь я не нужен: Рим предателям не платит... Через час, когда я подходил к дому, я убедил себя в том, что у меня не было выбора. Я думал об отце и о том, что стало бы с ним, если бы меня посадили. Была осень, но дожди ещё не начались. Ночью был ветер, и всюду валялись полиэтиленовые пакеты. Они с шорохом ползли от меня прочь, как живые... Когда я открыл дверь, отец лежал на полу. Он был мёртв, а по телевизору над его головой шло вечернее шоу анекдотов с громким хохотом зала. Но это было ещё не всё... Потому что на следующий день я узнал о смерти Симона. Его пытались задержать, но он бросился бежать и попал под электромобиль.

Пауза.

ТРЮК. Вы ушли к христианам?

ИЗВЕКОВ. Нет. Христиане исчезли из города. Я не знаю, куда они бежали... А я поселился в лесу, в отцовской сторожке. Там были удочки и запас чечевицы. Я варил себе похлёбку.

ТРЮК. И вам совсем не хотелось вернуться?

ИЗВЕКОВ. Нет. Мне больше не хотелось видеть людей.

Затемнение. Высокий женский голос исполняет классическую арию.

2

Входит фигура в костюме куклусклановца.

ИЗВЕКОВ (с ужасом). Кто вы?! (Отступает.) Что вы здесь делаете?

Фигура, расставив руки, идёт на него. Извеков пятится. Фигура загоняет его в угол.

ИЗВЕКОВ. Пощадите! Умоляю!

ТРЮК (снимает колпак). Фу, какой же вы жалкий! Не человек, а слизняк! Да ничего я с вами не сделаю.

ИЗВЕКОВ. Ах, это вы... Так вы не сожжёте меня на костре?

ТРЮК. Да кому вы теперь нужны? Никому.

ИЗВЕКОВ. Понимаю.

ТРЮК. Не волнуйтесь, ваш рейтинг не пострадает. Будете жить припеваючи. Хотя я бы на вашем месте не слишком радовалась.

ИЗВЕКОВ. Понимаю. Что я должен сделать?

ТРЮК. Раздевайтесь.

ИЗВЕКОВ. Но...

ТРЮК. Раздевайтесь, говорю.

ИЗВЕКОВ. Совсем?

ТРЮК (*брезгливо*). Нет. Пижаму снимите. Я принесла одежду, в которой вы сможете выйти отсюда. Вы же не будете надевать её на пижаму?

ИЗВЕКОВ. Вы не могли бы выйти?

ТРЮК. Нет.

ИЗВЕКОВ. Или хотя бы отвернуться?

ТРЮК. Нет.

ИЗВЕКОВ. Хорошо.

Извеков снимает пижаму. Теперь он в исподнем белье.

ТРЮК. Что это у вас на шее? Медальон? Знак зодиака?

ИЗВЕКОВ. Это... это крестик.

ТРЮК. Дань веяниям прошлого? Сувенир?

ИЗВЕКОВ. Это крест того мальчика. Крест Симона. Через три дня после его смерти я получил посылку. Кто-то оставил её на крыльце, у дверей. Думаю, это была мать Симона.

ТРЮК. Что было в посылке?

ИЗВЕКОВ. Крест Симона, тетрадка со сказками и Евангелие с закладкой на месте Нагорной проповеди.

ТРЮК. Что вы сделали с этими... с этими вещами?

ИЗВЕКОВ. Крест я надел на шею, а тетрадку и книгу взял в лес. Тетрадку я вскоре выучил наизусть.

ТРЮК. А книгу? Книгу вы тоже читали?

ИЗВЕКОВ. Да, очень часто.

Хор голосов, звуки невыносимого страдания и боли.

ИЗВЕКОВ. Что это?!

ТРЮК. Маленький сбой. Сработала автоматика, осталось от моих предшественников... Итак, вы христианин?

ИЗВЕКОВ. Нет.

ТРЮК. Но всё-таки вас крестили?

ИЗВЕКОВ. Нет. Мои родители были атеистами, а когда я вырос, церковью уже не было.

ТРЮК. Но вы надели на себя крест.

ИЗВЕКОВ. Да. Мне хотелось взять на себя какое-то обязательство в память о нём.

ТРЮК. Вы очень сентиментальны.

ИЗВЕКОВ. Дело в том, что...

ТРЮК (*брезгливо*). Я вас поняла. Хорошо, давайте поскорее покончим с формальностями.

ИЗВЕКОВ. Что я должен сделать?

ТРЮК. Сейчас вы получите Зэ-пэ-эс — Знак принадлежности к социуму. Вы наденете его и отправитесь на все четыре стороны. Можете вернуться в лес.

ИЗВЕКОВ. Что? Вернуться в лес?!

ТРЮК. Да, в лес. Я ведь уже сказала.

Извеков издаёт вопль и падает. Перед ним вырастает металлическая конструкция, похожая на дерево.

ИЗВЕКОВ (*стоя на четвереньках*). Что это?

ТРЮК. Приятная штука, не правда ли? Отсоедините, пожалуйста, держатели.

Извеков разводит в стороны держатели и вынимает круглый предмет, похожий на металлическое яблоко.

Это Яблоко Принадлежности. С ним вы будете жить в лесу на легальных основаниях. Мы всегда будем знать, где вы. Оно пошлёт сигнал о вашей смерти.

ИЗВЕКОВ. Спасибо, я тронут. А можно без этой штуки? Мне бы не хотелось до конца дней быть на крючке. Я хотел бы умереть спокойно.

ТРЮК. Умереть, как вы считаете нужным, — ваше право. Но ваше тело может стать источником инфекции. Болезни, угрожавшие людям, побеждены, но иногда у нас бывают эпидемии. Не так давно была вспышка чёрной оспы.

ИЗВЕКОВ. Понимаю. Конечно, я не вправе подвергать риску других.

ТРЮК. Вот-вот. Так что снимайте крест. Согласно морально-санитарной инструкции, вы не можете носить на шее Яблоко принадлежности и другой предмет.

ИЗВЕКОВ. Куда же мне девать крест?

ТРЮК. Откуда я знаю? Суньте в карман, бросьте на пол, положите на стол.

ИЗВЕКОВ. Неужели ношение креста на шее запрещено?

ТРЮК. Разумеется, запрещено.

ИЗВЕКОВ. Но это посягательство на личную свободу!

ТРЮК. Границы личной свободы давно установлены.

ИЗВЕКОВ. Какая же это свобода, если вы установили её границы?

ТРЮК. Свобода — не синоним вседозволенности. Свобода вашего кулака кончается там, где начинается лицо другого.

ИЗВЕКОВ. Чем же мешает другому мой крест под рубашкой?

ТРЮК. Нося крест под рубашкой, вы не можете гарантировать, что при быстрой ходьбе он не окажется над рубашкой. Или во время купания. Вы же купаетесь без рубашки, а крест не снимаете, не так ли? Всё это — предпосылки для межличностного конфликта, который легко может привести к социальному взрыву. Мы не можем рисковать. Земля — очень маленький дом, и она, как вы знаете, перенаселена.

ИЗВЕКОВ. Простите, а в чём состоит оскорбление?

ТРЮК. Крест ассоциируется с крестовыми походами. Надеюсь, я не должна напоминать учителю, что такое крестовые походы и сколько крови они стоили человечеству? Мы научились извлекать уроки из прошлого. Ношение креста запрещено. Равно как и ношение свастики.

ИЗВЕКОВ. Я этого не знал.

ТРЮК. У нас запрещено любое демонстративное поведение. Вот идут навстречу два человека: у одного на груди крест, у другого — полумесяц... А если они вцепятся друг другу в горло? А если за них вступятся родственники?.. Кроме того, согласно инструкции, ношение под рубашкой недезинфицированного креста нарушает правила гигиены и может привести к травме, если кто-то случайно или нарочно схватится за него...

ИЗВЕКОВ. А если он поранится, схватив этот ваш Знак принадлежности?

ТРЮК. Не говорите ерунды, пораниться о него невозможно... И зарубите себе на носу: каждому позволено верить во что угодно, но Яблоко носят все.

ИЗВЕКОВ. Иначе говоря, религия — частное дело, но подчинение обществу — обязательно.

ТРЮК. Именно так.

ИЗВЕКОВ. А вам не кажется, что это было в Древнем Риме?

ТРЮК. Всё уже когда-нибудь было. Снимите крест, наденьте на шею Знак принадлежности — и вы свободны. Идите и веруйте во что хотите.

ИЗВЕКОВ. Хоть в Христа, хоть в антихриста.

ТРЮК. Что вы сказали?

ИЗВЕКОВ. Да так... вырвалось.

ТРЮК. Запомните раз и навсегда: все веры частичны и равноценны.

ИЗВЕКОВ. А добро и зло — вопрос понимания каждого?

ТРЮК. Совершенно верно.

ИЗВЕКОВ. Но тогда единственная Истина не имеет смысла!

ТРЮК. Конечно, нет.

Пауза.

ИЗВЕКОВ. Знаете, а ведь я, пожалуй, христианин.

ТРЮК. Мне следует квалифицировать ваши слова как признание?

ИЗВЕКОВ. Да.

ТРЮК. Ещё раз. Это признание?

ИЗВЕКОВ. Да.

Трюк смеётся. Раскаты грома, крики. Затемнение.

3

Входит Трюк в римской тоге.

ИЗВЕКОВ. Здравствуйте...

ТРЮК. Молчи, несчастный. (*Усаживается в высокое кресло.*)
Как зовут тебя?

ИЗВЕКОВ (*приосанившись*). О, проконсул! Я христианин.

ТРЮК. Оставь это нечестивое слово. Назови своё имя.

ИЗВЕКОВ. Моё имя — христианин.

ТРЮК. Я хочу удостоить тебя милости и чести и сделать другом государей.

В круге света появляется чаша, в которой курится ладан.

Принеси жертву великому и непобедимому богу Юпитеру. Только одно зёрнышко ладана! Положи его в чашу. Ну же, смелее... Сделай — и я награжу тебя многими дарами: и золотом, и серебром, и великими почестями.

ИЗВЕКОВ. Я не могу сделать этого нечестия. Я почитаю отеческий закон.

ТРЮК. Нечестивая глава! Разве есть у тебя какой-нибудь другой закон, кроме нашего римского закона?

ИЗВЕКОВ. Да, у меня есть такой закон. Вы же, предаваясь нечестию по своему римскому закону, поклоняетесь бесам, камням, деревьям и вымыслам человеческим. Ваши истуканы — дело рук человеческих. Разве могут они быть богами? Ты находишься в ослеплении, если поклоняешься им, проконсул.

Пауза.

ТРЮК (*со смехом*). А вы хорошо знаете этот текст, Сергей Леонидович!

ИЗВЕКОВ. Вы тоже.

ТРЮК. Вам самому не смешно?

ИЗВЕКОВ. По правде говоря, не очень.

ТРЮК. Могу сказать только одно: ваше дело усложняется... Вообще вы ведёте себя довольно глупо. Кстати, вы знаете, что христиан не осталось?

ИЗВЕКОВ. Вы их убили?

ТРЮК. Скажем так: они кончились.

ИЗВЕКОВ. Понимаю. Что со мной сделают? Казнят на электрическом стуле? Сожгут на костре? Запрут в клетке сольвами?

ТРЮК. Если ваши заблуждения носят поверхностный характер — нет.

ИЗВЕКОВ. Откуда вы знаете, что это — заблуждения? Как вы установите, поверхностные они или нет?

ТРЮК. Не волнуйтесь: все заблуждения внесены в реестры. А степень мы установим. Это наша работа.

ИЗВЕКОВ. Послушайте, всё это уже было... Вы строите дом на песке, дом, который скоро обрушится... Вы боретесь с Богом!

ТРЮК. Ну что вы! Мы глубоко чтим единого межконфессионального Бога... Нашего любимого общего Бога, который слушит Природе.

ИЗВЕКОВ. Вы поднимаете руку на Христа!

ТРЮК. Христос — один из видных моралистов древности. К Нему у нас нет претензий. Наши претензии целиком относятся к христианству.

ИЗВЕКОВ. Но почему вы так ненавидите христианство?

ТРЮК. Оно неполиткорректно.

ИЗВЕКОВ. Лучше жить без веры, без убеждений?

ТРЮК. Разумеется.

ИЗВЕКОВ. Разве жизнь без убеждений не приводит к шизофрении?

ТРЮК. А кто сказал, что шизофрения — это плохо?

ИЗВЕКОВ. А кто сказал, что религия — это плохо?

ТРЮК. Религия — это агрессия! Религиозный человек — носитель сверхценной идеи! А сверхценная идея — опасность для социума!

ИЗВЕКОВ. И ради избавления от этой опасности вы готовы уничтожать людей?

ТРЮК. Это наш долг. Разумное применение насилия спасает мир от ещё большего насилия.

ИЗВЕКОВ. И где же здесь гуманизм? Так говорят волки в овечьей шкуре.

ТРЮК. Ну, гуманистам тоже приходится чем-то жертвовать... Но если уж на то пошло, разве гуманно было лезть на арену Коллизея, к диким зверям, да ещё тащить за собой жён и детей?

ИЗВЕКОВ. История знала немало мучеников. Они шли на смерть, уверенные, что гибнут за саму Истину!

ТРЮК. Что есть Истина? Дайте определение. *(Смеётся.)*

ИЗВЕКОВ. Почему вы смеётесь?

ТРЮК. Вы напомнили мне одного больного... Он тоже неплохо философствовал, но потом пошёл на попятный.

ИЗВЕКОВ. О чём вы?

ТРЮК. Вам придется сделать выбор: надеть Яблоко принадлежности либо...

ИЗВЕКОВ. Что — либо?

ТРЮК. Видите этот круг?

Рядом с Извековым появляется круг света.

ИЗВЕКОВ. Да, вижу.

ТРЮК. Это электронный распылитель. Когда вы войдёте в круг, включатся датчики, и у вас будет ещё тридцать секунд. На размышление. Это сделано, чтобы никто не принял решение сгоряча. Через тридцать секунд устройство сработает, и ваше тело будет распылено на элементарные частицы.

ИЗВЕКОВ *(садится на пол)*. У меня какая-то странная слабость в ногах... Частицы, элементарные частицы... Не понимаю. Что это значит?

ТРЮК. Это значит, что пора выбирать.

ИЗВЕКОВ. Я должен надеть на шею Знак или войти в распылитель?

ТРЮК. Таковы правила.

ИЗВЕКОВ. Но зачем вам нужен именно я?! Я бродяга, живу в лесу! Зачем вы заставляете меня снова совершить предательство?!

ТРЮК. Что за дикая фантазия? Какое ещё предательство? Относитесь к этому проще... Существуют правила. От вас требуется только лояльность. Вообще по натуре вы очень лояльный... В вашем досье так и сказано: лояльный, законопослушный...

ИЗВЕКОВ. Я понимаю, вы считаете меня трусом. Пожалуй, вы правы. Я действительно трус... трус и предатель...

ТРЮК. Сергей Леонидович, не напускайте на себя такой мрачный вид! Трус, предатель... Что за детский сад! Вы абсолютно нормальны! Вы ни в чём не виноваты! Просто вы пошли не по той дорожке, и вас немного... м-м-м... снесло с катушек. Вам нужно прийти в себя, успокоиться... И вообще — давайте поскорее закончим! Вас ждут приятные неожиданности. Маленькие, но приятные! Мир изменился, мы вышли на новый уровень комфорта. Как человек, успешно прошедший социальную терапию, вы сможете поселиться в плавучем бунгало. Рыбалку не обещаю, но... Представьте себе маленькую современную гостиницу на искусственном острове. Сейчас один остров дрейфует неподалёку — восемь минут на служебном вертолёте. Завтра у меня выходной, и я с удовольствием к вам присоединюсь. Сядем у камина и продолжим нашу беседу, наблюдая за языками пламени. Вечерняя пятиминутка счастья, уютное кресло, бокал вина... Ну как, Сергей Леонидович?..

ИЗВЕКОВ. А вы настоящий демон, Биота Альбертовна. Демон-искуситель.

ТРЮК. Это моя работа.

ИЗВЕКОВ. Дайте мне ещё несколько минут. У меня странно работает голова... Никогда прежде я не чувствовал такой ясности! Мне вспоминается мысль Августина о двух градах: земном и небесном...

ТРЮК. Время истекло. Вы готовы надеть Яблоко принадлежности?

ИЗВЕКОВ. Да-да, я понимаю... Никто не может служить двум господам... Я сам должен куда-то шагнуть... Направо пойдёшь — сам пропадёшь... Налево пойдёшь — душу потеряешь... Все верно. Всё как всегда.

ТРЮК. Я должна повторить свой вопрос.

ИЗВЕКОВ. Скажите, зачем жить в мире, где запрещается искать Истину?

ТРЮК. Спрашиваю вас в третий и последний раз, Сергей Леонидович.

ИЗВЕКОВ. Знаете, там, в лесу, я кое-что понял... *(Роняет яблоко.)*

ТРЮК. Сергей Леонидович, вы под лучом распылителя.

ИЗВЕКОВ. В лесу я был совершенно один. Раньше, когда вокруг меня были люди, мне приходилось подстраиваться, вступать в соглашения... Но в лесу всё было по-другому. Мне не нужно было трусить, выслуживаться... Там было лишь небо

над головой. И я... я чувствовал себя свободным. Этот лес... он был прекрасен... *(Ползёт на четвереньках, круг света следует за ним.)* Лес и небо... Знаете, я был один, и всё-таки я был не один, со мной был кто-то ещё... Иногда это чувство становилось сильнее... Да-да! Я был не один, не один!

ТРЮК. Начинается отсчёт. Потом сработает автоматика.

Тиканье часов.

ИЗВЕКОВ *(встаёт)*. Жил да был Человек с Неба. Он был Светлый, Он весь состоял из света, и сияло лицо Его, как солнце. Бабочки слетались к Нему по ночам, маленькие и большие рыбы сами плыли к Нему из далёких морей, и даже дикие звери: волки, лисицы, тигры, львы, медведи и рыси — сами выходили к нему из лесов...

ТРЮК. Безумец! Вы же сейчас умрёте!

ИЗВЕКОВ. И маленькие зелёные ящерицы выбегали на тропинку, по которой Он шёл... И тучи разбежались под Его взглядом, и над головами людей опять было небо, и все радовались, потому что даже самые тёмные люди всё равно любят небо...

Извеков стоит в кругу света и улыбается. Затемнение. Софиты вспыхивают — в круге света никого нет.

Трюк становится на четвереньки, потом ложится и ползёт в ту сторону, где только что был Извеков. Находит что-то на полу, садится. Внимательно разглядывает найденный предмет. Снимает с себя Яблоко принадлежности. Надевает крестик Извекова, встаёт.

Вой полицейской сирены, всполохи красного и синего света.

Занавес.